

ЧТЕНІЕ

ДЛЯ

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ

802-17
1980

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ.

КНИЖКА ПЯТАЯ.

№№ 17, 18, 19 и 20.

Съ приложеніемъ 18-ти рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1876.

Отступление Французовъ отъ Москвы въ 1812 г. (Къ 31 стр.)

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

УСЛУГА ЗА УСЛУГУ.

(Разсказъ изъ Туркестанскаго похода)

Необозримо тянется степь отъ Ташкента до Хивы, усталыя войска идутъ по ней молча, подъ палящими лучами солнца, высоко вздымая пыль протертыми дорогою сапогами. Душно, воздухъ такъ накаленъ, что дышать трудно. Отъ Халъ-аты до Аму-дарьи, то есть отъ послѣднихъ колодцевъ богатѣйшей рѣки средней Азій, омывающей границу ужасной степи Адамъ-Брыгланъ, называемой «Гибелью человѣка», считается слишкомъ 160 верстъ. Пространство это предполагалось пройти какъ можно скорѣе, но даже джигиты-проводники сомнѣвались въ возможности скорого передвиженія войскъ по жарѣ, въ безводной степи, которую избѣгаютъ даже хищныя звѣри, чрезъ которую не пролетаетъ птица, и въ раскаленномъ пескѣ которой водятся только скорпионы, жуки, черепахи, да громадныя ящерицы. Между тѣмъ, солдаты идутъ довольно бодро. Фляги съ запасною водою, полуопустѣлыя, висятъ у каждаго за поясомъ и слегка качаются при равномерномъ движеніи идущаго. Позади отряда, рядомъ съ обознымъ конвоемъ и провіантными выюками, идетъ плѣнникъ,

пятнадцатилѣтній туркменъ съ подвязанной рукою, очевидно раненный и забытый въ степи летучими отрядами своихъ соотичей. Смуглое лицо мальчика блѣдно, губы запеклись отъ жажды, но онъ терпитъ, не желая возбудить во своихъ врагахъ сочувствія.

— Эй, кичкине, малютка, говоритъ свѣтлоокій офицеръ, тоже слегка раненный въ руку, останавливая передъ туркменомъ свою верховую лошадь и ласково обращаясь къ нему. Пить хочешь? Мальчикъ сомнительно глядитъ на офицера, но не отвѣчаетъ ни слова.

— Хочешь? повторяетъ офицеръ, показывая фляжку.

— Что это, ваше благородіе, вы никакъ его угостить хотите? почтительно спрашиваетъ фельдфебель. — Вспомните, что этотъ мальчишка чуть не убилъ васъ.

— Э, полно, Трифоновъ, кто считаетъ царапины въ военное время, весело замѣтилъ офицеръ. Мнѣ даже жаль, что онъ такъ поплатился за свой неловкій выстрѣлъ; за мою царапину, онъ сильно раненъ въ руку.

— Поплатился бы и жизнью, если бы ваше благородіе не вмѣшались во время, возразилъ съ неудовольствіемъ фельдфебель. — Этихъ разбойниковъ учить надо; они честнаго боя не знаютъ. Вѣдь вотъ, сколько времени мы находимся въ походѣ, ни одного настоящаго сраженія у насъ не было, либо налетомъ нападутъ, либо изъ за кустовъ цѣлятся въ нашего брата. Эхъ, кабы тогда, при послѣдней схваткѣ было позволено, мы всѣхъ бы нападавшихъ туркменъ выловили до послѣдняго, да что будешь дѣлать — не велѣно было преслѣдовать непріятели... досадно было.

— Богъ съ ними, замѣтилъ офицеръ; мнѣ малютку этаго жаль; онъ терпѣливъ не по лѣтамъ. Пей, кич-

кине, пей, прибавилъ онъ, подавая фляжку туркмену и ласково подмигивая ему.

Мальчишка нерѣшительно взялся за флягу, поднесъ къ губамъ, отвѣдалъ и потомъ залпомъ выпилъ всю находящуюся въ ней жидкость.

— Что, якши, хорошо? спросилъ улыбаясь офицеръ.

— Чохъ якши, очень хорошо, одобрительно произнесъ мальчикъ.

— Ну, вотъ и прекрасно, замѣтилъ офицеръ; теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, что мой маленькій врагъ не слишкомъ страдаетъ. Подай мнѣ другую флягу, Григорій, продолжалъ онъ, обращаясь къ своему деньщику;— сколько у тебя запасено воды во व्यюгѣ?

— Одинъ турсукъ, значить, съ десятокъ такихъ кувшиновъ будетъ, отвѣтилъ деньщикъ. Только врядъли доведемъ ихъ, ваше благородіе, лошадь больно утомилась; спина потерта, храмлетъ отъ подсѣда, али худо подкована, да и отъ жажды изнемогаетъ, кто ее знаетъ, только посмотрите, едва ноги передвигаетъ.

Дѣйствительно, нѣсколько व्यючныхъ лошадей, и въ томъ числѣ лошадь офицера, представляли весьма жалкій видъ.

— Пустое, люди выносятъ, вынесетъ и она, возразилъ офицеръ. Кажется, особенно грузной поклажи на ней нѣтъ, развѣ бѣлье, но вѣдь я говорилъ, что бы не брать ничего лишняго.

— Лишнее и не взято, да дорога то, видите, какая дьявольская; вонъ верблюды головы повѣсили, такъ ужъ, вѣстимо, лошади невынести.

— Богъ дастъ, дотянетъ, возразилъ офицеръ: давай флягу и смотри береги остальные.

Получивъ требуемое, офицеръ взглянулъ еще разъ на туркмена, прищипилъ коня и поѣхалъ догонять опередившихъ его товарищей. Оставшіяся фельдфебель, деньщикъ и обозные конвойцы восхваляли офицера. Поручикъ Яковъ Петровичъ Ивановъ былъ любимъ въ отрядѣ; онъ былъ всегда простъ, веселъ, дебродушенъ, умѣлъ, во время сказаннымъ словомъ, ободрить, воодушевить солдата.

Между тѣмъ, войско шло впередъ, не останавливаясь. День клонился къ вечеру, солнце стояло очень низко, но жара не спадала; воздухъ былъ до того удушливъ, что говорить становилось трудно. Глубокій песокъ, и только одинъ песокъ, виднѣлся со всѣхъ сторонъ. Люди, верблюды и артиллерія утопали въ этомъ, по истинѣ песчаномъ морѣ. Къ командующему войсками поминутно приходили донесенія о страшной потерѣ лошадей и верблюдовъ, валившихся сотнями, и о трудности передвиженія артиллеріи. Генералъ фонъ-Кауфманъ по временамъ пропускалъ мимо себя войска, или самъ объѣзжалъ ихъ и обозъ. Арьергарду было строжайше подтверждено, не останавливаясь на пути, сжигать немедленно всѣ брошенные व्यюки, какъ казенные такъ и частные. Въ числѣ павшихъ лошадей былъ, давно изнемогавшій, व्यючный конь Иванова. Солдаты, не смѣя отставать отъ идущей впереди колонны, наскоро перевалили нужнѣйшія вещи на другіе обозы, большую же часть клади сожгли и издыхающихъ лошадей бросили на мѣстѣ.

— Что ты тамъ копаешься, Григорій, развѣ не слышалъ, что приказано идти далѣе, кричалъ деньщику

Иванова одинъ изъ конвоирующихъ обозы солдатъ.—
Давай сюда скорѣе, что надо изъ выюка.

— Что надо, сердито говорилъ деньщикъ.—Развѣ тутъ въ минуточку переглядишь все... Я вѣдь укладывалъ не на день, а на цѣлую дорогу.

— Скорѣй, братъ, а то, не прогнѣвайся, я схвачу на руки, что попадется, да и брошу тебя одного на дорогѣ, торопилъ обозный солдатъ, боязливо оглядываясь на удаляющіеся ряды товарищей.

Григорій поспѣшно вытащилъ кое что изъ одежды и бѣлья барина, взялъ флягу воды, взвалилъ вещи на солдатскій обозъ, напился, что называется, всласть и предложилъ напиться солдату.

— Опорожнивай, братъ, замѣтилъ онъ, поднося сосудъ прямо къ губамъ солдата. Воду-то я все равно здѣсь брошу: чѣмъ лишній грузъ намъ взваливать на верблюда, лучше удовлетворимся, душа мѣру знаетъ.

— Давай, возразилъ солдатъ, выпивая залпомъ.—
Теперь впередъ, скорѣе!

Они съ трудомъ догнали арьергардъ подвигающагося впередъ войска, встали въ свои мѣста и продолжали уже путь съ отрядомъ.

Еще прошло нѣсколько часовъ; солдаты до того устали, что едва передвигали ноги. Опять нѣсколько верблюдовъ и артиллерійскихъ лошадей пали. Последнія были замѣнены другими, верблюды же брошены вмѣстѣ съ турсуками, въ которыхъ заключался не малый запасъ воды. Наконецъ сдѣланъ былъ привалъ, войску данъ осмичасовой отдыхъ.

— Ну, слава Тѣ, Господи, шептались солдаты, еще

два перехода и мы выйдемъ на рѣку; если не врутъ проводники джигиты, на Аму-дарѣ раздолье.

— За то тутъ не приведи Богъ какъ жутко, замѣтилъ Григорій, растянувшись на пескѣ.—Ай да Адамъ-Крыгланъ, видно дана тебѣ кличка по шерсти, тутъ и безъ вражьихъ пуль сложишь косточки.

— Видно твои кости ужъ порастряслись маленько, засмѣялся фельдфебель. Ишъ какъ вытянулся, словно подъ нимъ пуховая постеля. Ты хоть осмотрѣлся ли ложаешься, нѣтъ ли подъ тобою какого звѣрька басурманскаго, а то пожалуй кусить тебя, не спросясь позволенія.

— Что смотрѣть, я до смерти умаялся, возразилъ вздыхая Григорій.—Ногъ теперь, почитай, изъ сапоговъ не вынешь. Ахъ, кабы теперь испить водицы!

— Чтожъ, пей, фляга у тебя подъ божомъ, возразилъ обозный солдатъ, распрягая лошадь.

— Эхъ, родименькій, я дорогою всю высушилъ.

— А коли высушилъ, такъ жди теперь порціи, не приказано отпускать безъ разрѣшенія; воды говорятъ, и такъ не хватитъ до новыхъ колодцевъ. А гдѣ же нашъ плѣнникъ?

— Туркменъ-то? Вона, сидитъ на корточкахъ съ подвязанной рукой. Вѣдь какое терпѣніе у этаго народа! Вѣдь мальчишка, какъ есть мальчишка, а прошелъ сколько верстъ раненый и не охаетъ, не стонетъ; глядитъ себѣ только въ даль и будто бы поджидаетъ кого-то.

Дѣйствительно, мальчикъ, о которомъ шла рѣчь, усѣлся поодаль отъ всѣхъ и, наклонивъ впередъ голову, какъ будто прислушивался къ чему то. Вокругъ него

хлопотали солдаты, далѣе устраивались къ кочевкѣ войска, раскидывались палатки, офицеры осматривали ввѣренныя имъ части и, получивъ дальнѣйшія приказанія начальства, отдыхали отдѣльными группами, тихо разговаривая между собою. Въ лагерѣ не могло обойтись безъ шума. Ночь въ степи не могла назваться пріятной. Жара нѣсколько спала, но сухой воздухъ не сдѣлался отъ того менѣе удушливъ. Наконецъ, отужинавъ наскоро и въ сухомытку, усталыя войска уgomонились; все стало тихо въ лагерѣ, лишь изрѣдка заржетъ гдѣ нибудь лошадь, да верблюды, пережевывая жвачку, съ глухимъ сапомъ опустятся на колѣни. Густыя сумерки покрыли окрестность; на растояніи полутораста шаговъ ничего нельзя было уже видѣть, да и смотрѣть было некому; всѣ утомленные до нельзя спали. Вдругъ плѣнный турмень поднялъ голову и съ напряженнымъ вниманіемъ осмотрѣлся: двѣ три тѣни мелькнули передъ нимъ въ отдаленіи. Онъ всталъ на ноги, вытянулъ шею и съ волненіемъ прислушивался. Его чуткое ухо могло отличить какіе то звуки, непохожіе на тѣ, какіе могли разноситься въ ночное время на мѣстѣ отдыха войска; звуки эти заставляли сильнѣе биться его сердце. Онъ прижалъ здоровую руку къ груди, желая воспользоваться предоставленною ему свободой, хотѣлъ броситься туда, откуда доносились къ нему звуки. Вдругъ послышался выстрѣлъ; часовыя подняли тревогу; въ мигъ войска стали въ боевой порядокъ; по различнымъ направленіямъ засновали взадъ и впередъ всадники; выстрѣлы повторились, мальчишка былъ оттѣсненъ назадъ и уныло опустился на прежнее мѣсто; тревога вскорѣ утихла и объяснилась. От-

рядъ туркменовъ, пользуясь темнотою ночи, приблизился къ лагерю, вѣроятно желая разглядѣть силы русскихъ, былъ замѣченъ не дремавшими часовыми и скрылся, послѣ непродолжительной безвредной перестрѣлки. Преслѣдовать его было запрещено и совершенно напрасно. Десять минутъ спустя по изчезновеніи послѣдняго непріятельскаго всадника, вдругъ совершено неожиданно, передъ глазами русскихъ, въ самомъ близкомъ отъ нихъ растояніи, пронесся молодцоватый турмень, съ бѣлой высокой чалмой на головѣ. По азіатскому обыкновенію, онъ летѣлъ во весь опоръ, примкнувъ тѣломъ къ шеѣ бодрого коня своего и будто насмѣхаясь надъ нерѣшающимися на погоню русскими.

— Вотъ кому надо всадить пулю въ затылокъ! воскликнулъ какой то молоденькій юнкеръ, усердно прицѣливаясь въ чалмоносца.

— Не стрѣлять! крикнулъ стоящій неподалеку Ивановъ.—Главнокомандующій приказалъ беречь заряды.

Но увы, предостереженіе поручика опоздало, выстрѣлъ грянулъ, чалмоносецъ закачался на сѣдлѣ и упалъ навзничъ, на спинку испуганнаго коня своего; плѣнный турмень жалобно вскрикнулъ и закрылъ глаза рукою.

— Напрасная жестокость, проворчалъ недовольнымъ тономъ Ивановъ.—Бѣгущаго врага не бьютъ безъ настоятельной необходимости.

Молоденькій юнкеръ сконфузился и пробормоталъ извиненіе.

Опять все стало тихо въ лагерѣ; всполошившіеся войска снова предались прерванному отдохновенію Яговъ Петровичъ тоже прилежъ на разосланную попоны и,

подложивъ сѣдло подъ голову, пытался заснуть по прежнему. Но нѣтъ; не смотря на сильную усталость, сонъ былъ для него теперь невозможенъ. Ворочаясь съ боку на бокъ и всячески стараясь выбрать для себя удобнѣйшее положеніе, Ивановъ замѣтилъ, что интересовавшій его плѣнникъ, пробравшись между спящими солдатами, шмыгнулъ за послѣдніе ряды и бросился въ степь. Предполагая, что мальчикъ намѣревается бѣжать къ своимъ и не желая мѣшать ему въ исполненіи этого намѣренія, добрѣйшій Яковъ Петровичъ прищурился, улыбаясь посмотрѣлъ вслѣдъ бѣгущему, вытащилъ походную трубку, закурилъ и снова прилегъ, задумавшись. Прошло около часу, докуренная трубка уже давно выпала изъ рукъ задремавшаго поручика. Вдругъ Ивановъ почувствовалъ прикосновеніе чего то холоднаго къ рукѣ своей. Съ просонья онъ хватился за саблю и быстро вскочилъ на ноги. Передъ нимъ стоялъ плѣнный туркменъ, на блѣдномъ лицѣ его было замѣтно необычайное волненіе, всегда сдержанный и тихій, онъ теперь видимо не могъ владѣть собою.

— Что съ тобою, кичкине? спросилъ онъ, смотря съ удивленіемъ на мальчика. Ивановъ на столько зналъ языкъ туркменъ, что могъ быть понятымъ.

— Воды дай, отрывисто отвѣтилъ тотъ.

— Тебѣ пить хочется?

Мальчикъ отрицательно покачалъ головою.

— Что мнѣ!.. Отецъ умираетъ, произнесъ онъ задыхающимся голосомъ.

— Отецъ твой,.. гдѣ же онъ?

— Тамъ... въ степи... твои воины раздробили ему спину.

— Бѣдняга! можетъ быть можно ему чѣмъ нибудь помочь? сострадательно замѣтилъ поручикъ.

Мальчикъ опять отчаянно замоталъ головою.

— Дай воды... ему крѣпко хочется напиться... воля умирающаго не должно знать отказа, я обѣщалъ отцу принести и долженъ торопиться.

Яковъ Петровичъ досталъ флягу.

— Здѣсь только нѣсколько глотковъ, замѣтилъ онъ, встряхивая флягой.—Это мой послѣдній запасъ, а дорога дальняя.

— Аллахъ великъ, возразилъ мальчикъ. — Ты не пропадешь; за каждый глотокъ, Онъ дастъ тебѣ награду.

— Ну, ну, бери, неси флягу отцу твоему, произнесъ тронутый Ивановъ.—Я жалѣю, что не могу дать тебѣ больше.

Мальчишка схватилъ флягу и стрѣлою пустился бѣжать въ степь. Ивановъ снова прилегъ, закрылъ глаза и на этотъ разъ заснулъ очень скоро. На утро войска рано были уже на ногахъ, вполне готовые къ дальнѣйшему походу. Для избѣжанія жары, рѣшено было идти по утру и вечеромъ; въ полуденную пору назначили привалъ и отдохновеніе.

Осматривая ряды тяжело идущихъ солдатъ и тянувшихся за ними обозы, Ивановъ, въ числѣ отставшихъ погонщиковъ, замѣтилъ знакомаго своего туркмена, грустно-слѣдущаго за обозомъ.

— Эге, кичкине, весело замѣтилъ Яковъ Петровичъ, подходя къ мальчику и стараясь лаской ободрить его.— Ты, значить, не остался между своими?

Мальчикъ поднялъ на поручика изумленные глаза.

— Между своими? повторилъ онъ протяжно. — Мои живутъ далеко. Въ этой степи, у меня только и есть родного, что могила, да кости отца.

— Куда же дѣвался вчерашній отрядъ, всполошившій нашъ лагерь, въ ночную пору?

— Степь широка, простору въ ней много, а кони туркменовъ быстры, какъ вольный вѣтръ Адамъ-Крылчана, равнодушно возразилъ мальчикъ.

— Неужто же, товарищи бросили твоего отца одного умирать на дорогѣ.

— У трусовъ на ногахъ крылья, презрительно замѣтилъ туркменъ. — Аллахъ не допустилъ безсовѣстныхъ измѣнниковъ закрыть соколинные очи Аги-Пирея.

— Такъ они даже не вернулись убрать своего товарища?

— Нѣтъ, не вернулись. Да казнить ихъ Аллахъ на томъ и на этомъ свѣтѣ! съ горячностію проговорилъ мальчикъ. — Измѣнники забыли долгъ чести... не счумѣли во время почтить память своего начальника: подлые рабы, имъ жизнь была дороже спокойствія совѣсти!

Но развѣ имъ угрожала какая либо опасность?

— Русскія пули... этого довольно.

Поручикъ невольно улыбнулся.

— За то ты не оставилъ отца своего, замѣтилъ онъ, снова становясь серьезнымъ.

— Да, въ смертный часъ, по крайней мѣрѣ я не отходилъ отъ его изголовья. Онъ умеръ не одинъ... родимыя руки засыпали пескомъ бездыханное его тѣло, родимыя уста прочли надъ нимъ молитвы пророка, съ чувствомъ отвѣтилъ мальчикъ.

— Отецъ твой былъ начальникъ?

— О да, великій начальникъ! гордо воскликнулъ мальчикъ. — Онъ былъ храбръ и честенъ, и послѣдняго раба не оставлялъ въ горѣ безъ помощи.

— Слѣдовательно о немъ будутъ грустить многіе.

— Что грустить!.. замѣтилъ мальчикъ, и голосъ его прервался. — Душа отца не нуждается въ слезахъ туркменовъ.

Онъ отвернулся, какъ бы желая показать, что тяготится дальнѣйшими распросами. Ивановъ отошелъ, сѣлъ на лошадь, примкнулъ къ кружку офицеровъ и поѣхалъ съ ними рядомъ.

На этотъ разъ шествіе совершилось безъ особенныхъ приключеній; бродячіе отряды туземцевъ не попадались на дорогѣ; войска шли, не смотря на усталость, усиленнымъ маршемъ, сознавая, что долгое пребываніе въ степи для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ пагубно. Дѣйствительно, походъ этотъ былъ мучителенъ до крайности. Солнце, не смотря на раннюю пору, жгло невыносимо; по небу кое гдѣ проносились легкія облака, но они не могли ослабить знойныхъ лучей палящаго свѣтила. Солдаты и офицеры, хотя и имѣли бѣлыя фуражки съ длинными подзатыльниками, но и это мало защищало ихъ отъ жары. Къ тому же, недостатокъ воды становился болѣе и болѣе ощутителенъ. Люди, лошади и верблюды, изнемогали отъ жажды. Вода, имѣвшаяся при провіантскихъ обозахъ, дѣлилась на порціи, при чемъ не только офицеры, но даже и самъ главнокомандующій, не пользовались большимъ количествомъ, противъ простаго, рядоваго служиваго. Лошади не только возовыя и выючныя, но и верховыя — издыхали; мно-

гимъ офицерамъ приходилось продолжать пѣшкомъ походъ, начатый на борзomъ лихомъ конѣ, купленномъ за дорогую цѣну. Вздывавшійся песокъ и густая пыль, поднимаемая движеніемъ войскъ, останавливалась въ горлѣ, забивалась въ носъ и уши, царапала, мучила и томила съ каждымъ глоткомъ вдыхаемаго воздуха. Но какъ ни мучителенъ былъ этотъ день, все же онъ кончился, относительно, благополучно. На послѣднемъ привалѣ солдаты уже не шутили между собою и, послѣ походнаго ужина, всѣ предались отдохновенію. Съ разсвѣтомъ предполагалось идти далѣе.

На слѣдующій день тѣже труды, только еще большая жажда, еще большее утомленіе. Вода въ кожаныхъ турсукахъ вся вышла, людямъ и животнымъ нечѣмъ было промочить горло; ни рѣки, ни колодезь на всемъ видимомъ протяженіи не было. Русскій солдатъ терпѣливъ и выносливъ, но тутъ, казалось, и имъ было уже не въ моготу.

Послѣ четырехъ часовъ по полудни, вдругъ на небѣ показалась туча, разразился громъ и пошелъ сильный дождь. Войско обрадовалось, разставило какую можно было посудину и съ жадностью глотало набѣжавшую воду. Гроза прошла, воздухъ освѣжился. Снова двинулись въ путь, правда, уже нѣсколько бодрѣе прежняго. Наконецъ, вдали стала кое-гдѣ виднѣться мѣстами растительность; то жалкое деревцо, то покажется колючій кустарникъ, то проглянетъ травка, жесткая и острая какъ иголка. Песокъ сталъ плотный, что доказывало близость воды. Наконецъ, впереди засвѣтилась яркая, широкая полоса свѣта, то была Аму-Дарья въ полномъ блескѣ своего разлива.

Боже мой, съ какимъ отраднымъ чувствомъ смотрѣли теперь войска на эту величественную массу воды, такъ долго, бывшую предметомъ ихъ надеждъ и упованій! Послѣ двухъ мѣсячной борьбы съ самою жалкою безжизненною природою, съ страшными ураганами и, главное, палящимъ и удушливымъ зноемъ, послѣ двухъ мѣсячныхъ, тяжкихъ лишеній, отрядъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, остановился на мѣстѣ, гдѣ со временъ Александра Македонскаго, не было ни одной арміи. Солдаты ожили, перекрестились; и вдругъ..., точно по сговору, здѣсь, вдали отъ отечества, въ самой глубинѣ Азіи, грянуло дружное, потрясающее душу «ура»! При этомъ на глазахъ многихъ показались слезы благодарности, радости. Да это была великая минута!

Такъ какъ переправа черезъ рѣку казалась вечеромъ опасною, то приказано было по сую сторону берега сдѣлать ночевку. Войска расположились бивакомъ, не безъ того, конечно, чтобы не сбѣгать напередъ напиться обѣтованной воды, изъ хваленной джигитами Аму-Дарьи. Послѣ долгаго безводья напитокъ показался волшебнымъ.

Ночью казаки успѣли отбить отъ приблизившагося къ берегу непріятеля, нѣсколько каюковъ, родъ небольшихъ плоскодонныхъ судовъ, общеупотребительныхъ въ Хивѣ и Туркестанѣ; испуганный непріятель скрылся раньше, чѣмъ можно было рассмотреть, великъ ли отрядъ его: притомъ разыгравшаяся буря помѣшала преслѣдованію.

Всю ночь продолжался ураганъ. Огромные столбы песку носились по степи и то извивались змѣею по

землѣ, то величественною колоною поднимались къверху. Рѣка мутная, взбитая, съ глухимъ ропотомъ разбивала волны объ отлогій берегъ. Къ утру вѣтеръ утихъ, но рѣка все еще волновалась. Войска двинулись, впередъ вдоль берега: идти было все еще трудно, песокъ лежалъ сугробами; ноги утопали; съ другой стороны Аму-Дарьи туземные наѣзники слѣдили за движеніемъ русскаго войска; изъ неподалеку лежащихъ вѣрностей стрѣляли. Солдаты успѣли захватить еще двадцать каюковъ, попавшихъ на мель, въ продолженіи ночнаго урагана. Еще одну ночь проночевали въ пустынь. Съ разсвѣтомъ предприняли переправу.

Противоположный берегъ казался теперь пусть совершенно; за садами сливъ и винограда никого не было видно. Совершивъ переправу, построились въ колонны и пошли далѣе. Проходя сады, солдаты отъ времени до времени лакомились фруктами, но не ломали деревъ, не срывали виноградныя лозы и вообще ничего не опустошали, такъ какъ это было строжайше запрещено начальствомъ, и оно внимательно слѣдило за исполненіемъ своихъ приказаній.

Неожидано, во время самаго безопаснаго слѣдованія, послышались изъ садовой чащи выстрѣлы и пули градомъ посыпались. Отрядъ, находившійся въ хвостѣ колоны, остановился и сталъ отстрѣливаться. Нѣсколько мѣткихъ русскихъ пуль пущено было въ показавшагося врага, но или туркмены находились въ слишкомъ незначительномъ числѣ и боялись завязать серьезную перестрѣлку съ болѣе сильнымъ непріателемъ, или мѣткіе выстрѣлы русскихъ, разсѣяли непріателя, только туркмены мгновенно прекратили стрѣльбу.

— Впередъ! кричали русскіе командиры. Не терять даромъ пороху, насъ дѣло ждетъ впереди, а не на дорогѣ. Войска снова двинулись, но не прошло и часу, какъ въ рядахъ послѣдней колоны замѣтно было безпокойство, озабоченность.

— Гдѣ поручикъ Ивановъ? Кто видѣлъ Иванова? Не впереди-ли Яковъ Петровичъ?—Нѣтъ онъ перестрѣливался рядомъ съ нами. Не палъ ли Ивановъ? Не раненъ ли? слышалось съ разныхъ сторонъ.

Два взвода солдатъ, подъ командою молодого прапорщика, вернулись къ мѣсту перестрѣлки и старательно осмотрѣли кусты и помятую траву, по которой проходило войско. Ни Иванова, ни слѣдовъ крови не было видно. Не смѣя отлучаться на долго, прапорщикъ съ вѣренными ему взводами, снова вернулся къ отряду, доложивъ начальнику, что всѣ розыски были напрасны: Иванова не нашли. Всѣ сожалѣли и не могли понять, что сдѣлалось съ Ивановымъ. Одновременно съ Ивановымъ, скрылся и плѣнный туркменъ, но на это никто не обратилъ вниманія. Войска продолжали слѣдовать далѣе.

Въ первую минуту движенія войска, русскіе не замѣтили отсутствія Иванова. Послѣ же, поиски оказались тщетны, такъ какъ Яковъ Петровичъ, получивъ сильную контузію въ голову,—въ безчувственномъ состояніи взятъ былъ въ плѣнъ. Бѣдный поручикъ былъ уже далеко. Очнувшись онъ увидѣлъ себя на травѣ, уже далеко. Очнувшись онъ увидѣлъ себя на травѣ, рядомъ съ ранеными и убитыми туркменами. Около него собрался кружокъ сановитыхъ чалмоносцевъ; простые воины почтительно стояли въ отдаленіи. Яковъ

Петровичъ, несмотря на сильную головную боль, поднялся съ мѣста и съ удивленіемъ осмотрѣлся.

— Ни шагу далѣе, плѣнникъ, повѣлительно замѣтилъ ему одинъ изъ туркменовъ, казавшійся начальникомъ отряда. Помни, что малѣйшее поползновеніе къ побѣгу, будетъ стоить тебѣ жизни.

Яковъ Петровичъ машинально взялся за голову, какъ бы желая убѣдиться, не грезить ли онъ.

— Едва ли онъ понялъ мое предостереженіе, замѣтилъ начальникъ, обращаясь къ одному изъ своихъ приближенныхъ. Ага-Нуль! Объясни ему знаками приказъ мой.

Тотъ, къ которому относились слова начальника, усердно принялся руками и словами объяснять, что именно требуютъ и еслибъ Ивановъ вовсе не понималъ туркменскаго языка, то, вѣроятно, не понялъ бы и смысла этихъ знаковъ. Чтобъ не раздражить туркменскаго начальника, Ивановъ на всѣ знаки только кивалъ головой, что и было принято за выраженіе согласія.

— Много ли васъ въ войскѣ? спросилъ начальникъ и въ тоже время вопросъ этотъ былъ по возможности переданъ жестами его помощника.

— Много, утвердительно возразилъ Ивановъ.

— Всѣ ли вы здѣсь или еще идутъ за вами другіе отряды? продолжалъ спрашивать начальникъ.

Ивановъ едва замѣтно кивнулъ головою.

— Зачѣмъ вы пришли въ нашу землю?

Яковъ Петровичъ молча пожалъ плечами.

— Что же ты не отвѣчаешь?

— Онъ или не умѣетъ объясниться, или ничего не

знаетъ, замѣтилъ кто то изъ окружающихъ начальника.

— Пустое, онъ долженъ знать, спокойно возразилъ тотъ. И онъ заговорить, когда будетъ нужно; мы съумѣемъ выжать изъ него необходимыя объясненія. Пусть идетъ за нами.

Затѣмъ всѣ эти сановныя лица удалились. Раненымъ туркменамъ было оказано пособіе; убитыхъ отнесли куда то, вѣроятно, для погребенія.

Яковъ Петровичъ остался одинъ подъ стражей.

Въ самомъ грустномъ настроеніи, съ сильною головою болью, онъ продолжалъ сидѣть въ тѣни тутоваго дерева, не выказывая ни малѣйшаго поползновенія къ побѣгу. Да и куда было бѣжать? Русскіе были уже далеко, мѣстность была совершенно незнакомая, бдительныя стражи окружали всюду. Тоскуя и страдая, Ивановъ нехотя вслушивался въ разговоръ сторожившихъ его воиновъ. По словамъ ихъ, вся страна была въ сильномъ волненіи; быстрое передвиженіе русскаго войска изумило и испугало жителей. Никто не ожидалъ, чтобы страшныя степи, слывущія «погибелью человѣка», могли быть пройдены людьми, непривычными къ знойному солнцу Азіи. Неожиданность и быстрота, съ которою совершенъ былъ походъ этотъ, дало поводъ туркменамъ предполагать, что русскіе хотятъ достигъ чего то особеннаго, важнаго, и эта неизвѣстность наводила ужасъ на азіатовъ. Война не иначе представляется жителямъ Востока, какъ рядомъ безчисленныхъ убійствъ, опустошенія странъ, грабежей и разнаго рода безпорядковъ. Стройное передвиженіе значительнаго войска, отсутствіе всякихъ жестокостей и,

главное, оберегательство чужаго добра, все это было немислимо для азіата. Хивинцамъ и туркменамъ казалась подозрительною непонятная кротость русскихъ, хотя и подвигающихся съ военною силою и очевидно враждебными намѣреніями въ самое сердце страны и дорожащихъ каждымъ выстрѣломъ, будто приберегаемымъ на какое то рѣшительное, грозное и страшное дѣло. Соглядатаи, подсылаемые отрядными предводителями, приносили туркменамъ самыя сбивчивыя и преувеличенныя донесенія. Ничтожныя схватки, кончившіяся безъ особенныхъ послѣдствій для обѣихъ враждующихъ сторонъ, передавались разскащиками въ страшномъ видѣ. Азіаты храбры только въ набѣгахъ, страшились нападать на хорошо обученное войско. Яковъ Петровичъ слышалъ, какъ воины толковали о смущеніи начальниковъ, и не безъ интереса слѣдилъ за разсужденіями ихъ, относительно защиты Хивы. Въ обѣденную пору, одинъ изъ туркменовъ бросилъ ему вареную кукурузу и подалъ кружку съ водою. Ивановъ отказался отъ ѣды, но воды, напился съ наслажденіемъ. Когда солнце стало садится отрядъ тронулся далѣе.

Куда они шли и зачѣмъ, Яковъ Петровичъ не зналъ; но ему приходилось трудно слѣдовать за ними. По его соображенію, ему казалось, что движеніе туркменовъ соразмѣряется съ движеніемъ русскихъ, хотя отрядъ держался окольныхъ путей, но иногда выдвигался и на просторную дорогу; тогда Яковъ Петровичъ съ радостнымъ замираніемъ сердца, могъ отличить на помятой травѣ или мягкой черноземной почвѣ, тяжелые слѣды недавно проѣхавшей артиллеріи. Къ ночи отрядъ остановился. Ивановъ оставленъ былъ подъ открытымъ не-

бомъ, въ постоянномъ ожиданіи, не грянетъ ли откуда нибудь выстрѣлъ; все было тихо; съ разсвѣтомъ пошли далѣе. День былъ знойный; плѣнный поручикъ, вслѣдствіе контузіи, страдалъ сильно головою и едва могъ слѣдовать за отрядомъ. Къ вечеру онъ между приближенными начальника замѣтилъ знакомое лицо и съ удивленіемъ узналъ сына Аги-Пирея. Пятнадцатилѣтній воинъ держался очень гордо, не обращая ни малѣйшаго вниманія на плѣнника. Однако, когда, подойдя къ небольшой крѣпостцѣ, отрядъ сдѣлалъ ночевку, и Яковъ Петровича отвели въ темную кѣлѣтушку, предварительно приказавъ ему готовиться къ допросу, мальчикъ нашелъ возможность шепнуть ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

— Не бойся, проговорилъ онъ мимоходомъ. Я здѣсь; *услуга за услугу.*

Но опасаясь, чтобы сочувствіе его къ плѣннику не было завѣчено туркменами, онъ быстро удалился.

Яковъ Петровичъ вошелъ въ темную камеру указаннаго ему помѣщенія, опустился на земляной полъ и грустно задумался. Какой смыслъ придавали враги его словамъ; приготовиться къ допросу? какихъ еще показаній требовали отъ него? зачѣмъ тащили всюду за собою? Пока они шли по пятамъ русскихъ, Иванова не беспокоило его положеніе; онъ удовлетворительно объяснялъ себѣ дѣйствія непріятелей и тѣшился мыслию, что находится не въ слишкомъ дальнемъ разстояніи отъ своихъ товарищей. Теперь дѣло приняло другой оборотъ; казалось, будто отъ важности показаній плѣнника, зависѣли дальнѣйшія движенія туркменовъ. Отрядъ, слѣдовательно, не состоялъ въ

связи съ главною силою хивинцевъ, а подчинялся самостоятельнымъ распоряженіямъ своего начальника. Надо было ожидать допроса, а можетъ и пытки. Ивановъ зналъ жестокость азіатовъ и понималъ, что ожидало его на утро, даже, можетъ быть, въ продолженіи этой ночи; но онъ готовъ былъ предпочесть смерть унижительной измѣнѣ, предательству. Правда, сердце его невольно сжималось при мысли о предстоящемъ; душа ныла съ тоски, нервная дрожь пробѣгала по тѣлу, при каждомъ звукѣ, проникающемъ снаружи. Онъ на минуту закрылъ глаза и мысленно перенесся на родину. Вдругъ дверь его помѣщенія скрипнула и отворилась.

— Вставай и слѣдуй за мною, тихо проговорилъ чей то голосъ.

Ивановъ молча поднялся съ мѣста, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ и очутился подъ открытымъ небомъ. Ночь была свѣтлая, южная; воздухъ свѣжъ и ароматенъ; Яковъ Петровичъ взглянулъ на жоюатаго и тотчасъ же узналъ сына Аги-Пирея. Ивановъ хотѣлъ сказать, что то; но мальчикъ показалъ видъ, что необходимо осторожность и молчаніе. Они перешли въ садъ, поднялись по ступенямъ на сложенную изъ глины стѣну укрѣпленія и соскочили на землю. Передъ ними растиались съ одной стороны рисовыя и майсовыя поля, съ другой поднимался лѣсъ вѣтвистыхъ деревьевъ и кустарниковъ.

— Сюда, замѣтилъ избавитель Иванова, шмыгнувъ въ лѣсную чащу.

Яковъ Петровичъ молча послѣдовалъ за нимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они вышли на поляну,

измятую широкою полосою недавно прошедшаго по ней войска, на краю поляны стояли стреноженными два аргамака.

— Вотъ тебѣ конь и открытая дорога, важно произнесъ мальчикъ, тономъ человѣка, чувствующаго все геройство своего поступка. Уѣзжай съ миромъ. Я не хочу, чтобъ тебя безвинно мучили: и на зло имъ освобождаю тебя.

Онъ грозно оглянулся на покинутое укрѣпленіе, какъ бы вызывая оттуда своихъ противниковъ.

— Не бойся ничего, эта лошадь моя, продолжалъ онъ, снова обращаясь къ поручику и гордо встряхивая головою. Весь этотъ участокъ, эти сады, лѣсъ, поля и укрѣпленіе, все это мое, потому что составляетъ наслѣдіе Аги-Пирея. Дядя захватилъ здѣсь власть теперь и распоряжается самовольно; но я не уступаю ему правъ своихъ и докажу, что признаю себя хозяиномъ. Прощай, за глотокъ воды въ Адамъ-Крыганѣ—мы поквитались.

— Но и ты ѣдешь? спросилъ Ивановъ замѣчая, что его избавитель снимаетъ путы съ обѣихъ лошадей.

— Да, ѣду, возразилъ съ достоинствомъ мальчикъ. Но наши дороги расходятся... тебѣ могутъ служить проводникомъ слѣды эти. Онъ указалъ рукою на взрытую копытами почву и махнулъ въ даль.

— Я понимаю, замѣтилъ Ивановъ. Но если тебѣ придется поплатиться за оказанную мнѣ услугу.

— Ужъ это мое дѣло, гордо перебилъ турменъ. Я не ребенокъ... судьба моя въ рукахъ Аллаха.

И вскочивъ на лошадь, онъ хлестнулъ плетью своего аргамака и понесся стрѣлою куда то въ сторону.

Яковъ Петровичъ сѣлъ на лошадь и послѣшно пустился догонять своихъ сослуживцевъ и товарищей.

Слѣды на жирной, черноземной почвѣ, были еще свѣжи; замѣтно было, что усталые войска, не смотря на всѣ усилія, двигались не слишкомъ быстро. По краямъ пройденной дороги, кое гдѣ взвивались виноградныя лозы, красивыми группами росли тополи, да тутовые деревья. Растительность кругомъ была роскошная. Но Яковъ Петровичъ не имѣлъ времени любоваться ею,—онъ спѣшилъ далѣе.

Часа полтора или два какъ онъ уже скакалъ, когда услышалъ глухой и равномерный гулъ въ отдаленіи. То былъ знакомый звукъ, производимый движеніемъ конницы и артиллеріи. Сердце Иванова сильно забилося; онъ вонзилъ шпоры въ бока иноходца и стремглавъ пустился далѣе. Вотъ послышалось ржаніе коней и крики погонщиковъ... блеснули штыки казачьяго отряда... бѣлыя шапки пѣхоты. Яковъ Петровичъ дрожалъ отъ нетерпѣнія и, благодаря Бога, онъ скоро былъ уже между своими.

Хива была взята безъ бою, владѣтельный ханъ бѣжалъ куда-то и замѣнившій его родственникъ заключилъ выгодный договоръ для русскихъ. Путь, соединяющій Астрахань съ бассейномъ Аму-Дарьи, открылся для торговли. Цѣль похода была достигнута. Войска могли снова спокойно вернуться въ отечество, но уже не паническій страхъ жителей сопровождалъ ихъ, а глубокое уваженіе къ ихъ воинскимъ достоинствамъ. Въ числѣ вывезенныхъ трофеевъ изъ Хивы, былъ породистый аргамакъ Якова Петровича; онъ и теперь дер-

жить его въ чести, и при случаѣ, рассказываетъ исторію своего избавленія изъ плѣна.

Дальнѣйшая судьба сына Аги-Перея осталась неизвѣстною.

А. Катенкамъ.

VI 13
2

ЧТЕНІЕ

802-17

для

1982

СОЛДАТЪ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ,

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ-ГЕНЕРАЛЪ-МАЮРА

А. ГЕЙРОТА.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ

КНИЖКА ПЕРВАЯ.

№№ 1, 2, 3 и 4.

Съ приложеніемъ шести рисунковъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

„КАШЕЪДЪ“.

Эпизодъ изъ Туркестанской военной жизни.

Отрядъ нашихъ войскъ, участвовавшій въ одной изъ послѣднихъ экспедицій въ Коканскомъ ханствѣ, возвращался восвояси. Люди, не смотря на долгій, утомительный переходъ, шли бодро — веселые разговоры и смѣхъ слышались по всей колоннѣ. Съ нетерпѣніемъ ждали солдаты возвращенія на квартиры, которыхъ уже нѣсколько мѣсяцевъ не видали. Вдругъ, изъ за вершинъ ущелья, по которому двигался отрядъ, показался дымокъ, другой, а тамъ и пестрые халаты непріятеля.

Отрядъ остановился и цѣпь бѣлыхъ рубахъ посыпалась въ гору...

Взобрались на гору, отогнали врага, — глядь, — а тамъ неподалеку цѣлый аулъ непріятельскій. Тотчасъ послали донесенія, куда слѣдуетъ... и отрядъ, раздѣлясь на три части и оставивъ резервъ въ ущельѣ, сталъ подыматься на гору.

Въ это самое время человекъ семь солдатъ пробирались узенькой тропочкой, спускавшейся внизъ по боковому ущелью. Въ срединѣ ихъ шелъ крошечный и замухрастый ишачишко *), съ отвислыми ушами и порванными, по обыкновенію, ноздрами, весь спрятанный подъ тагъ называемое «сѣдло» изъ всякой рвани и

*) Ишакъ — оселъ.

лохмотьевъ, на которомъ болтались: какая-то корзина, кувшинъ изъ тыквы и мѣшокъ.

Солдаты были въ цѣпи, и теперь весело отступали, угнавъ у непріятеля скотинку съ провіантомъ. Они шли спокойнымъ, твердымъ шагомъ, какъ люди, поработавшіе въ волю на свой пай: все уже сдѣлано, всѣ труды миновали, остается только добраться до мѣста, поѣсть хорошенько и залечь на боковую.

— Вотъ безногой-то еще!.. Идетъ, еле ноги волочить, словно барышня! Ишь, упирается... ишь. Я те упрусь!..

Солдатъ далъ тычка ишаку. Тотъ вяло махнулъ хвостомъ и чуть-чуть шибче сталъ перебирать ножками.

— Ты его погоняй пуще! Больно тихо идетъ!

— Да его хоть гони, хоть иѣтъ — все одно, что каменный.

И солдатъ еще разъ ткнулъ осла палкою.

Ущелье, по которому шли солдаты, вилось узкимъ, обрывистымъ оврагомъ, забирая круто къ высокимъ горамъ, гдѣ было его начало. Внизу бѣжалъ, прыгалъ, бурчалъ на разные голоса ручей...

Все отложе и шире становилось ущелье, по мѣрѣ движенія солдатъ, и наконецъ, вступило въ главное, по которому пролегала дорога.

Солдаты стали и оглядѣлись.

— Куда теперь?

— Теперь, если идти, одна дорога — направо, къ обозу.

Вечеръ ужъ на дворѣ, а обозъ-отъ рядомъ.

— Извѣстно ужъ, направо надо, рѣшили солдаты и, повернувъ осла направо, стали тихо взбираться съ камня на камень, по трудной загроможденной глыбами дорожкѣ.

Кругомъ все ложе ущелья поросло мареной и сарчей (можжевельникомъ).

— Гляди, какъ они насъ желали встрѣтить, кабы отрядъ давеча прямо сюда пошелъ. Вонъ, завалъ какой здоровый склалъ, показалъ одинъ солдатъ впередъ. — Они изъ за него, знаешь, какъ бы пошли... Ай, вскрикнулъ онъ, не договоривъ слова, и покачнулся.

Раздался выстрѣлъ. Надъ заваломъ висѣлъ дымъ.

Солдаты подхватили раненаго и выругались, скинувъ съ плечъ винтовки.

По нимъ еще разъ пустили пулю, еще и еще.

— Какъ онъ сюда попалъ? Да не одинъ еще, сволочь! удивлялись солдаты, отступивъ за огромный камень.

— Чего теперь дѣлать-то?

— Идти надо—вотъ чего.

— А куда пойдешь? У него вонъ завалъ-отъ какой, словно крѣпость! Татьянаинъ, какъ быть? обратились солдаты съ вопросомъ къ своему начальнику, капральному унтеръ-офицеру.

— Какъ? Тутъ намъ не сидѣть тоже, отвѣтилъ Татьянаинъ спокойнымъ голосомъ. Какъ-ни какъ, надо стараться. Его тутъ не цѣлой полкъ. Станемъ вотъ такъ: отъ камушка къ камушку перебѣгать, да его обходить. А наши тутъ не далече, услышатъ—народу пошлютъ.

Осмотрѣли изъ за камня мѣстность, оторвали отъ рубахи полосу, перевязали ею раненому руку и обсудили какъ идти.

— Эхъ! чмокнулъ одинъ изъ нихъ языкомъ. Давеча побѣгли,—недогадались ишака-то сюда угнать, на дорожку оставили!

— Да на что тебѣ ишака-то понадобился? Драгоценность какая!

— Больно масла дуже много, полонъ кувшинъ — охота была кашу сварить... Да стойте, я за нимъ сбѣгаю! прибавилъ солдатикъ и побѣжалъ на дорожку.

— Брось, Бурлашовъ? брось—убьютъ! крикнули ему вслѣдъ, но не удержали.

— Ахъ народъ какой! вотъ интересъ, масло!.. Вотъ они ему покажутъ, какая каша бываетъ... Ишь, повиснулись, черти! Пали въ нихъ!

Солдаты дали нѣсколько выстрѣловъ. Любитель каши съ масломъ подталкивалъ осла и гналъ его съ дорожки къ камню. Три или четыре пули прожужжали мимо его и одна ударила ослу въ сѣдло. Бурлашовъ оглянулся на завалъ и огрѣлъ ишака прикладомъ.

Масло было спасено, а Бурлашова солдаты обругали «кашеѣдомъ».

— Малость не попали, собаки! Совсѣмъ вѣзлѣ жигнули, извинялся Бурлашовъ. — А все этотъ скотъ! Уперся себѣ, стоитъ, словно статуя какой.

И онъ толкнулъ ишака, какъ будто въ доказательство того, что дѣйствительно сдвинуть его трудно. Ишака покорно переступилъ на одну ногу и смиренно хлопнулъ ушами.

Вотъ и онъ тоже на войну попалъ, усмѣхнулись солдаты.

— Не ранило долгоухова-то?

Нѣтъ, въ сѣдло попало, вотъ это мѣсто...

Солдаты, видимо мирилась съ осломъ, разъ онъ былъ приведенъ съ дорожки; но въ тоже время они слагали съ себя и всякую отвѣтственность за него.

— Что жь ты съ нимъ дѣлать станешь? Идти надо.

— А какъ пойдешь, то я его погоню. На что его бросать-то!

— Ну, вотъ что только, Бурлашовъ: гнать—гони, ну ежели ты изъ за его задержку сдѣлаешь, то я, братъ, не похваляю. У меня съ вашимъ братомъ даже очень расправа коротка въ такихъ случаяхъ! пригрозилъ унтеръ.

— Ужь на счетъ этого не сомнѣвайтесь: мы съ нимъ не отстанемъ, похвастался, даже за осла, Бурлашовъ.

Бурлашовъ, прозванный теперь «кашеѣдомъ», былъ высокій, неуклюже сбитый человѣкъ. Смуглое лицо было черезъ чуръ продолговато, шея коротка, руки несообразно длинны. Онъ былъ брюнетъ, съ большими, нѣсколько выскочившими глазами, съ жалкими и длинными усами и невысокимъ лбомъ. Все въ немъ было какъ-то несоразмѣрно и угловато.

Они пошли. Началось отвоевываніе камня за камнемъ, перебѣганье по одиночкѣ и отстрѣливанье.

Горцевъ было не много. Кучка ихъ, человѣкъ въ двадцать, сама попала въ эту засаду случайно. Въ то время, какъ высоты были взяты и непріятель бросился въ разсыпную, эта кучка спряталась въ камняхъ, ожидая ухода русскихъ, чтобы вернуться назадъ въ свои горы. Но завидя идущихъ къ нимъ солдатъ съ низу, тогда какъ выше ущелье было заперто остальною частью отряда, они сообразили, что попали въ западню и рѣшили не пускать солдатъ далѣе. Позиція ихъ была очень выгодна: она была обложена очень плотной каменной стѣнкой; солдатамъ же предстояло обойти ее

сбоку, отбивая рѣшительно каждый шагъ, при переходахъ отъ одной глыбы къ другой.

Нѣсколько первыхъ камней прошли солдаты благополучно. Но затѣмъ, предстояло сдѣлать большую перебѣжку, прикрывая другъ друга ружейнымъ огнемъ. Воюющія стороны раздѣляло такое небольшое разстояніе, что выстрѣлы горцевъ не шли на вѣтеръ, и двое первыхъ, отправившихся къ слѣдующему камню, едва не поплавились.

Настала очередь Бурлашова.

— Ну, иди ты, кашеѣдъ, крикнулъ ему унтеръ.

Тотъ толкнулъ ишака. Послѣдній сдѣлалъ нѣсколько неровныхъ шаговъ по камнямъ и остановился.

— Сдѣлай милость, оставь ты его! сказалъ Татьянинъ, прошу тебя честью, удерживалъ онъ мягкій тонъ въ разговорѣ: видишь—онъ не идетъ!

— Да вы не беспокойтесь, Сергѣй Константинычъ, это онъ только спервоначала. Пойдетъ! отвѣтилъ тотъ и урѣзалъ осла.

Оселъ пошелъ и пошелъ довольно удачно. Но на самой серединѣ пути остановился и, получивъ толчокъ, вдругъ повернулъ въ другую сторону.

Выстрѣлы зачастили по любителю.

— Брось его, брось! крикнулъ унтеръ, слышь, брось, говорю, Бурлашовъ!.. Велю я тебѣ: брось, сволочь!..

Побившись съ непонятной скотиной и услышавъ крики, Бурлашовъ рѣшился наконецъ бросить ишака. Но разстаться съ масломъ онъ не могъ. Не смотря ни на ругательства, ни на выстрѣлы, онъ отцѣпилъ кувшинъ, ткнулъ несчастнаго осла на прощанье сапогомъ, выстрѣлилъ по завалу и бросился бѣжать за камень.

На послѣднемъ прыжкѣ онъ поскользнулся, крикнулъ, но оправился.

— А малость такъ не влетѣло, собаки! Такъ и думалъ, что молъ влѣпять. Нѣтъ, ничего — только что руку о камень шибко сшибъ, объяснялъ онъ тѣмъ же тономъ, что и прежде, облизывая кровь на ссаженной рукѣ и въ тоже время заряжая винтовку.

— И ружей у него много: какъ есть бесперечь палить, продолжалъ Бурлашовъ. — А Татьянаинъ бранится, кричить: брось! Я ужъ и самъ вижу, что мнѣ его не угнать, только развязать веревку никакъ не могу...

— Какъ бы его самого не убили, вдругъ перемѣнилъ онъ тонъ, увидавъ, что Татьянаинъ собирается идти къ нимъ. — Шибче бѣгите, Сергѣй Константинычъ, крикнулъ онъ во все горло и приложился по завалу. Татьянаинъ побѣжалъ. По немъ открыли пальбу, какъ по зайцу. На трехъ четвертяхъ пути, онъ вдругъ рванулся шибче.

— Задѣло, надо быть, замѣтилъ Бурлашовъ — и не ошибся.

Какъ только перебрались остальные, Бурлашовъ принялся за фельдшерское искусство около Татьянаина.

— Сказывалъ я тебѣ, паршивому, ругалъ его спокойно Татьянаинъ, въ то время какъ тотъ хитрилъ надъ перевязкой; сказывалъ: брось! Такъ нѣтъ, ослушался! А все отъ чего? Вольность въ васъ велика... Масла захотѣлось! А вотъ возьму да заброшу...

— Теперь ужъ, Сергѣй Константинычъ, не стану: лошадь-то моя вонъ ужъ куда ушла, смирился Бурлашовъ, кровеня руки неловкой перевязкой, вотъ ладно-то, что еще легко задѣли-то...

Онъ всталъ, привязалъ къ поясу кувшинъ съ масломъ, поглядѣлъ на заваль и сказалъ:

— Теперь ужъ я передомъ пойду, ишака своего оставилъ...

Татьянинъ всталъ, оглядѣлъ камни и «дозволилъ» идти.

Бурлашовъ пошелъ. Черезъ полминуты онъ сдѣлалъ прыжокъ съ камня внизъ, пробѣжалъ шага три и вдругъ вернулся.

— Бѣги, бѣги, зачѣмъ вернулся! крикнулъ ему Татьянаинъ.

— Масло обронилъ, Сергѣй Константинычъ, отозвался тотъ наклонившись, поднялъ кувшинъ и, съ ружьемъ въ правой, съ масломъ въ лѣвой рукѣ, побѣжалъ дальше, согнувъ колѣни и закинувъ голову назадъ.

— Вотъ сволочь, нѣтъ на него страху! — пѣняли солдаты.

— Ужъ прямая сволочь, подтвердилъ спокойно Татьянаинъ.

НА БИВАКЪ.

(Разсказъ изъ боевой Кавказской жизни.)

Что можетъ быть разнообразіе военно-походной жизни на Кавказѣ? Жизнь полная боевыхъ тревогъ, она имѣетъ тысячи прелестей; быть можетъ не для всѣхъ, но большинство военныхъ не промѣняетъ бивачной жизни на стоянку въ деревняхъ, или даже въ какомъ нибудь городкѣ.

802-18
263
ИЗДАВАЕМЫЙ

СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ

ЖУРНАЛЪ

ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

Выпускъ VI.

Іюнь.

1908 г.

61-й годъ изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1908.

МОЛИТВА „ГОСПОДИ ПОМИЛУЙ“.

Изъ всѣхъ молитвъ, какія знаю,
Пою въ душѣ, иль вслухъ читаю,
Какою дышетъ дивной силой молитва

«Господи помилуй»!

Одно прошенье въ ней: не много—
Прошу я милости у Бога,
Чтобъ спасъ меня Своею силой... Молитвой

«Господи помилуй»!

И горе таяло, и радость
Мнѣ приносила вдвое сладость...
Когда лились отъ горя слезы,
Иль страстные смущали грезы,
Тогда съ особой сердца силой твердилъ я:

«Господи помилуй»!

Душа! Окончивъ жизнь земную,
Молитву эту, не иную,
Тверди и тамъ ты,—за могилой, съ надеждою:

«Господи помилуй»!..

Картинки изъ Туркестанской военной жизни.

Воспоминанія вольноопредѣляющагося.

I.

Въ лагерь!

Жонецъ Апрѣля... Самое благодатное, чудное время въ нашемъ жаркомъ Туркестанскомъ краѣ! Все расцвѣло, все зазеленѣло. Ни отъ чего не хочется отрывать глазъ: все такъ чудесно, такъ отрадно! Прошла грязная осень, прошла угрюмая безснѣжная зима и вотъ властно прилетѣла красавица-весна со своими чудными, ласкающими пѣснями. И вмѣстѣ съ перерожденной природой переродился человекъ. И онъ такъ весело глядитъ на Божій міръ, душа его обновилась, и горе въ эту чудную пору какъ-то забывается.

Да! въ эту чудную славную пору все живущее въ мірѣ обновляется вмѣстѣ съ цвѣтущей природой. Забываются старыя душевныя раны, горе,

невзгоды и невольно отъ чистаго обновленнаго сердца плещь искренніе хвалебные гимны Творцу неба и земли.

Въ городѣ веселье... Всюду отворены окна. Въ комнаты несется весенній освѣжающій воздухъ. Всѣ рады приходу весны. Всюду оживленіе. У всѣхъ радостныя, веселыя лица.

А ночи? Въ эти свѣтлыя лунныя ночи и спать и работать не хочется. Какая-то непонятная лѣнь охватываетъ весь организмъ человѣка и такъ легко и нѣжно дышется свѣжимъ ароматнымъ воздухомъ. Сколько радостныхъ думъ, воспоминаній о прошломъ проносятся въ умѣ въ эти чудныя, лунныя ночи!..

Вотъ, какъ теперь, я вижу нашу казарму, наше зимнее помѣщеніе, огороженное со всѣхъ сторонъ толстыми, высокими дувалами ¹⁾.

Невзрачная, немного холодная, полутемная, непомѣстительная казарма, небольшой батальонный дворъ съ приходомъ весны перерождаются. Отворяются окна, „ученья“ происходятъ уже подъ открытымъ небомъ на свѣжемъ воздухѣ, и грудь Туркестанскаго солдата-стрѣлка дышетъ широко и привольно.

А вечеромъ, послѣ окончанія ученій и работъ, собираются опять уже на дворѣ. Хоры пѣсенниковъ поютъ, пляшутъ, веселятся. Въ этихъ пѣсняхъ—то разудало-веселыхъ, то меланхолически-печальныхъ—такъ и дышется милой далекой родиной, покинутой для службы въ Туркестанѣ.

Но бьется повѣстка къ повѣркѣ, кончаются пѣсни и опять во всемъ батальонѣ царитъ тишина и покой.

Съ середины Апрѣля начинаются приготовленія къ переезду на „военную дачу“—лагерь, расположенный въ верстахъ семи отъ города, въ хорошей, здоровой и удобной мѣстности.

А въ послѣднихъ числахъ Апрѣля въ батальонѣ шумъ, гамъ, суетолака.

Взадъ и впередъ изъ воротъ въ ворота выѣзжаютъ и въѣзжаютъ наши азіатскія арбы, то пустыя за новой поклажью, то до верху нагруженные вещами; тутъ столы, скамейки, кровати, сундуки, тюфяки,—все, что составляетъ главную необходимость для Туркестанскаго стрѣлка.

Ученій нѣтъ, всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ „выхода въ лагерь“, гдѣ въ это время такъ хорошо: весь лагерь въ зелени, нѣтъ утомительной жары, гдѣ пойдутъ еще незнакомыя невѣдомыя для „молодыхъ стрѣлковъ“ лѣтнія занятія: тамъ курсовая стрѣльба, тамъ глазомѣръ, тамъ полевая служба на практикѣ.

И вотъ давно желанный день насталъ. Окончилась перевозка вещей, въ батальонѣ царитъ тишина. Наступилъ одинъ изъ чудныхъ вечеровъ. „Завтра, рано утромъ въ лагерь!“

Наша казарма вся опустѣла. Остались голыя неприглядныя стѣны. Стрѣлки расположились спать на полу на своихъ раскатанныхъ шинеляхъ. Многие спятъ, но большинство бодрствуетъ и тихо

¹⁾ Дуваль—стѣна, сдѣланная изъ глины.

говорить между собой, чтобы не потревожить сонъ своихъ товарищей.

Вотъ тамъ въ углу, во второмъ взводѣ, собрались „старики“, бесѣдующіе о предстоящемъ концѣ своей пятилѣтней службы. Еще послѣднее пребываніе въ лагерѣ, послѣдняя стрѣльба, послѣдніе маневры и они уѣзжаютъ, перечисляясь въ запасъ, всякъ на свою родину, къ своей дорогой кормилицѣ землѣ,—гдѣ они оставили на долгое время своихъ отцовъ, матерей, женъ и дѣтей.

Они такъ весело разговариваютъ, что совершенно забыли про сонъ. Да и какой можетъ быть сонъ при мысли, что скоро-скоро они обнимутъ своихъ дорогихъ родныхъ, опять будутъ въ своихъ далекихъ и родныхъ мѣстахъ, гдѣ протекло веселое дѣтство и беззаботная юность.

— Прощай,—говорили они,—прощай зимнія квартиры, прощай служба! Мы послужили честно своему Царю-Батюшкѣ, послужили—пора отдохнуть, а за насъ послужать, видя нашу усердную и честную службу наши молодые стрѣлочки“.

А тамъ, въ другомъ углу, разсѣлась въ кружокъ молодежь, трактующая о новой службѣ въ лагерѣ. Они окружили „старичка“ и на перебой задаютъ ему вопросы о жизни въ лагерѣ, объ ученьяхъ, о стрѣльбѣ. И въ ихъ искреннихъ и добрыхъ глазахъ такъ и говорится: послужимъ и мы въ лагерѣ, хорошо пострѣляемъ и докажемъ, что и мы не даромъ носимъ почетное имя Туркестанскаго стрѣлка.

Ужь разговоры пошли далеко за полночь, а наши и не думаютъ спать, но голосъ дежурнаго по ротѣ: „ложитесь, не разговаривайте, пора спать, завтра рано вставать“, застаётъ ихъ врасплохъ, и все кругомъ умолкло.

Все утихло... все уснуло... Что-то видятъ во снѣ?

И видятъ „старички“ предстоящую радостную встрѣчу съ родными, видятъ зеленые маленькія книжки, гдѣ напечатаны на обложкѣ радостныя, давно ожидаемыя, слова: „увольнительный билетъ“, а молодежь: они ужъ живутъ въ лагерѣ, стрѣляютъ отлично, они заслужили стрѣлка“... но... опять голосъ неугомоннаго дежурнаго по ротѣ и дневальныхъ: „вставать людямъ“—приводитъ ихъ къ дѣйствительности.

Ура! Сегодня въ лагерѣ на дачу! Прощай на долго скучная казарма! Прощай!

Умывшись, помолившись Богу, напившись чаю, стрѣлки стали надѣвать на себя походную аммуницію и выходить на батальонный дворъ, гдѣ батальонъ уже выстроился въ двухротную резервную колонну и ожидалъ съ нетерпѣніемъ прибытія своего командира, который и поздравитъ стрѣлковъ своихъ съ выступленіемъ въ лагерѣ.

Но вотъ показался и онъ, нашъ отецъ-командиръ. Поздоровавшись съ батальономъ, поздравивъ съ выходомъ въ лагерѣ, онъ подаль команду: „подъ знамя! слушай на краулы!“ въ строй вносятъ знамя, заиграла музыка, и всѣ съ довольными и веселыми лицами выступили въ лагерѣ.

II.

Въ лагерь.

Послѣ полуторачасовой ходьбы по хорошей шоссейной дорогѣ показались изъ-за развѣсистыхъ чудныхъ акацій наши лѣтнія квартиры-баракы. Вотъ и наше просторное военное поле, на которомъ скоро начнутся разнаго рода ученя: ротное, батальонное, глазомѣръ. Вотъ и баракы, вотъ и „линейки“, на которыхъ мы будемъ ежедневно стоять на прикладкѣ.

Всюду зелень, чудная мягкая бархатная трава. Жаркое туркестанское солнце еще не успѣло выжечь всю эту, ласкающую глазъ, прелесть. Оно какъ будто пожалѣло насъ. „На, молъ“, будто говорило оно, — „сначала полюбуйся, отдохни душой, глядя на распустившуюся природу. Отдохни! Я скоро возьму свое! Я все выжгу, ничего не оставлю! Я — сила, никто меня не побѣдитъ“.

„Любуйтесь, — говорило солнце, — зазеленѣвшей природой! Дышите свѣжимъ опьяняющимъ воздухомъ, а черезъ мѣсяцъ этого ничего не будетъ. Вы будете дышать пылью мною выжженной земли. Все будетъ сожжено, все будетъ мертво въ этой военной пустынѣ“.

Но что значить „потомъ“, когда мы наслаждаемся цвѣтущимъ настоящимъ и живемъ и дышемъ наступившимъ днемъ? Здравствуй веселый, зеленый волшебникъ Май, здравствуй лагерь! Прими насъ дружески подъ тѣнь твоихъ акацій, прими,

какъ добрыхъ искреннихъ друзей, ищущихъ отдыха послѣ томительной угрюмой зимы. И ты зимой былъ пусть и угрюмъ, но теперь съ возвратившеюся весною, возвратились къ тебѣ твои дѣти, чтобы чудными майскими вечерами нарушать твою тишину нашими пѣснями.

Недолго пришлось любоваться открывшейся панорамой лагеря, — пронеслась по полю команда: „смирно, на молитву! шапки долой!“ — то означало, что сейчасъ начнется молебенъ о счастливомъ прибытіи въ лагерь.

Одна минута — и тишина нарушилась чуднымъ, величественнымъ Божественнымъ пѣніемъ.

Всѣ — отъ высшихъ до низшихъ чиновъ — съ искренней молитвой обратились къ Царю Всевышнему, даровавшему намъ миръ и любовь, чтобы Онъ и теперь сохранилъ свое христолобное воинство отъ невзгодъ, болѣзней и печали, и Главнаго Вождя Нашего, Нашего Добраго Царя-Батюшку сохранилъ бы на многія, многія лѣта!

Кончился молебенъ... Подъ пѣніе самихъ же стрѣлковъ: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое“, нашъ пастырь духовный сталъ обходить ряды солдатъ и окроплять ихъ Святою водою.

Поздравивъ стрѣлковъ съ благополучнымъ приходомъ на лѣтнія квартиры, отецъ-командиръ подалъ команду: „по баракамъ“.

И вотъ по полю понеслись команды ротныхъ командировъ: „напра-во“, „на лѣ-во“, „шагомъ! маршъ!“

Наконецъ-то мы у себя въ лагерѣ! Ура! Это могучее русское „ура“ пронеслось по всему лагерю. Мы—у себя дома. Шумный, дышащій разнообразной жизнью городъ остался вдали... Здѣсь въ лагерѣ одна общая дружная военная семья; занятая однимъ общимъ дѣломъ, одной святой цѣлью: дать нашему Верховному Вождю хорошихъ стрѣлковъ, доблестныхъ воиновъ, храбрыхъ защитниковъ Царя, Вѣры и Отечества.

Весь лагерь въ порядкѣ. Линейки и дороги политы водой. Въ баракахъ койки разставлены по-взводно. Всюду чистота, всѣмъ любуются глазъ. Опять пошли по вечерамъ несмолкаемые звуки веселой русской гармоникки, тѣ-же пѣсни, тѣ-же разговоры.

— А съ завтрашняго дня, господа, начнется стрѣльба! Надо стараться стрѣлять хорошо и доказать, что мы вполне заслужили почетное имя „стрѣлка“,—сказалъ вечеромъ послѣ повѣрки нашъ фельдфебель Шлыченко.

— Постараемся! постараемся!—пронеслось по бараку.

— А теперь, покойной ночи, братцы! Завтра рано по утру пойдемъ на стрѣльбище.

Всѣ уснули тихимъ, спокойнымъ, довольнымъ сномъ.

Всѣ спать... Бодрствуетъ только дневальный, стоящій на передней линейкѣ, да дежурный по ротѣ. Онъ сидитъ за своимъ столикомъ и пишетъ письмо-вѣсточку домой, что скоро-скоро онъ будетъ тамъ, снова увидитъ своихъ, близкихъ сердцу, родныхъ. А дневальный по ротѣ изъ „молодыхъ“

описываетъ въ письмѣ къ своимъ роднымъ прелести лагерной жизни.

Ночь прошла незамѣтно, какъ, впрочемъ, всѣ лѣтнія, короткія ночи. Чуть-чуть солнышко взошло, не успѣвъ освѣтить и согрѣть лагерь, а мы уже совершенно готовы и стоимъ на передней линейкѣ, ожидая фельдфебеля.

Вскорѣ пришелъ онъ и, сдѣлавъ расчетъ, повелъ насъ на стрѣльбище по дорогѣ, имѣющей по обѣимъ сторонамъ канавы (арыки), существующія для искусственнаго орошенія полей и садовъ. Не будь въ Туркестанѣ арыковъ и ничего бы тутъ не произрастало. Знойное, горячее туркестанское солнце все бы выжгло и нашъ бы край не былъ тѣмъ, чѣмъ онъ теперь, а превратился бы въ голую унылую выжженную степь.

Тамъ, въ сторонѣ, отъ дороги, раскинулись фруктовые сады... Тутъ по близости сынъ природы—сартъ¹⁾ обрабатываетъ свою землю первобытнымъ способомъ подъ собственный напѣвъ своихъ унылыхъ пѣсенъ.

Запыленные, но не уставшіе стрѣлки незамѣтно подошли къ стрѣльбищу. Тамъ вдали уже красовались мишени... Отдохнувъ, прочистивъ винтовки, вышли на линію огня... Стрѣльба продолжалась долго... Безперечь разносились по стрѣльбищу звуки рожка: „попади, попади, попади!“ Солнце начинаетъ припекать. Около телѣжки, запряженной „ишакомъ“, стояла группа солдатъ, то поѣдая „пирожки“, то выпивая „русскій квасъ“.

¹⁾ Мѣстный житель.

А! Это старый нашъ знакомецъ, нашъ батальонный булочникъ Саидка. Онъ ужъ здѣсь! Вмѣстѣ съ переходомъ войскъ въ лагерь и Саидка перебрался за ними.

Тамъ, этотъ сартъ Саидка, въ зимнемъ помѣщеніи, продавалъ намъ булки, здѣсь вмѣстѣ съ нами жарится на стрѣльбищѣ, продавая пирожки съ изюмомъ своего издѣлья и квасъ подъ названіемъ „русскій“.

Да и немудрено, что онъ съ нами вездѣ и всюду. Онъ еще раньше, при окончательномъ завоеваніи нашего края, раздѣлялъ всѣ трудности походнаго движенія по безводнымъ степямъ наравнѣ съ русскими героями-солдатиками и такъ привыкъ къ нимъ, что теперь въ настоящее время онъ не ведетъ „дружбы“ съ своими земляками, а проводитъ все свое свободное время съ нашимъ братомъ-солдатомъ.

Вотъ и теперь, солдатики, уже отстрѣлявшіеся сидятъ кругомъ телѣжки и слушаютъ съ большимъ вниманіемъ его исковерканную русскую рѣчь. Онъ имъ рассказываетъ про походъ нашихъ войскъ на знаменитую Кушку, про взятіе ея, про знаменитаго генерала Комарова, и рассказываетъ онъ своеобразно, поэтично, а солдатики слушаютъ, восхищаются героями-солдатами и совершенно забыли, гдѣ они находятся, а тамъ, сзади ихъ играютъ уже „сборъ“. Пора! стрѣльба окончилась! Пострѣляли отлично и всѣ роты отдѣльно получили заслуженное „спасибо“.

— Домой! домой! пора обѣдать!

Весело, съ пѣснями мы двинулись обратной дорогой и подъ согрѣвающими лучами солнца роты вошли въ свои бараки...

III.

Продолженіе.

Солнце начинаетъ выжигать все... Деревья приуныли... Зелени нѣтъ... Вокругъ желтизна. Везпощадное знойное солнце ничего не жалѣетъ. Жаръ, зной, духота воцарились въ воздухѣ. Небо чисто-голубое, какъ бирюза. „Хоть-бы тучки, маленькой тучки,—молится утомленный людъ--и Господь бы послалъ бы намъ дождикъ“. Но напрасны мольбы. Небо по-прежнему чисто, а лѣтомъ дождь у насъ въ краѣ—великое чудо.

Ходьба на стрѣльбу стала утомительна. Въ воздухѣ ни вѣтерка; по дорогѣ пыль по колѣно, на стрѣльбищномъ полѣ все выжжено: ни кустика, ни деревца, гдѣ бы можно спрятаться отъ знойнаго томительнаго іюльскаго солнца.

Пыль столбомъ и на военномъ полѣ. Батареи и казаки всю исколотили землю и превратили ее въ мельчайшую пыль.

Только и дышется прохладой въ расположеніи бараковъ. Линейки политы водой. Бараки со всѣхъ сторонъ окружены чудными громадными акаціями, дающими утомленнымъ стрѣлкамъ тѣнь и прохладу.

Курсовая стрѣльба уже окончилась. Многіе получили значки „за отличную стрѣльбу“. Началась практическая стрѣльба: по-взводно, по-полу-

ротнo, по-ротнo. И эта стрѣльба должна скоро окончиться, скоро прїѣдетъ генераль, инспектирующій стрѣлковую часть войскъ нашего края. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждемъ мы генерала, чтобы передъ нимъ отличиться въ стрѣльбѣ и отъ него еще получить спасибо.

И вотъ недолго ждали. Стало извѣстно, что черезъ два дня назначена смотровая стрѣльба. Всѣ лица какъ-то вдругъ повеселѣли и всѣмъ стало легко, такъ какъ послѣ смотровой стрѣльбы дается солдатамъ пятнадцатидневный отдыхъ.

Вездѣ и всюду шла одна и та же рѣчь: какой-то будетъ генераль? Какъ мы пострѣляемъ? Какая стрѣльба назначится намъ? Боже! только не залпы! Хоть бы погода была тихая—не было-бы вѣтра.

Наконецъ, день, долго ожидаемый день смотровой стрѣльбы насталъ. То было воскресенье. Съ вечера, послѣ молитвы всѣ приготовились, осмотрѣли свою аммуницію и тихо, безъ шума, безъ пѣсенъ, легли спать. Да и какое можетъ тутъ быть веселье, когда у каждаго неотвязная мысль-дума: какъ-то пострѣляемъ? Что-то пошлетъ Господь?..

И вотъ, рано-раннимъ утромъ, еще не всходило на востокъ солнце, люди безъ долгихъ покрикиваній дежурнаго, одѣлись и выстроились на линейкѣ. Прїѣхалъ ротный командиръ, поздоровался съ нами и повелъ насъ на стрѣльбище... Впереди весело играла музыка...

Пришли на стрѣльбище... стали по-взводно... Вскорѣ прїѣхалъ видный бравый генераль, поздоровался и тутъ же началась раздача стрѣльбы.

„Тѣ—въ появляющіеся, тѣ—въ обрѣзныя, тѣ—одиночно на 1400, а намъ... намъ залпы на 1400! О! Эти залпы! Одинъ моментъ и все потеряно. Сорванъ залпъ—потеряна стрѣльба... Неужели кто нибудь сорветъ“? Это будетъ несчастье...

Всѣ были взволнованы предстоящей стрѣльбой. — Лучше не добить до отличнаго, лишь бы залпа не сорвать,—такъ говорили мы.

Но вотъ подошла и наша очередь. Стали подходить на линію огня.

Раздалась команда: „1400, съ колѣна—пальба ротой... ро-о-та... стой... Ро-о-та... пли!“

Какъ одинъ человѣкъ, выпустила вся рота залпъ. Посмотрѣли вдаль—залпъ легъ чудесно.

Опять „рота“ „пли!“—и опять дружный залпъ и еще лучше перваго легъ въ мишени второй залпъ. Слава Богу (мыслимъ мы), дѣло идетъ хорошо! Дай Боже такового же конца.

„Рота!“—опять подалась команда и... о, ужасъ, о, безобразіе!.. До команды, утомительной команды „пли“, кто-то не выдержалъ время и выстрѣлилъ, а за нимъ другой, пятый, десятый,—словомъ, вышелъ не залпъ, а дробь. Но... опять пли!“ и третій залпъ разсѣялся повсюду...

Все потеряно! Срамъ, стыдъ! Боже! Какъ не удержался человѣкъ... Сердца бьются грустно, бьются больно...

„Сорвали!“—слышится какъ будто вездѣ... Какъ стрѣлять теперь? Какая стрѣльба послѣ сорваннаго залпа?

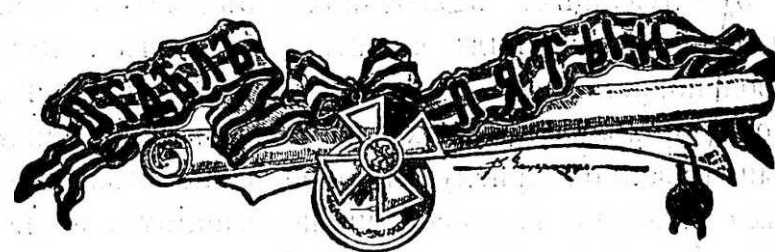
Унылые, съ понуренной головой, убитые, словно горемъ, люди ушли изъ линіи огня.

„Сорвали! сорвали!“—такъ и звенить въ ухахъ это убійственное слово.

„Сорвали!“ до сихъ поръ и мнѣ слышится это слово.

Въ концѣ оказалось, что рота не добила до отличнаго и унылая, безъ пѣсенъ, но подъ пѣсни другихъ ротъ, выбившихъ первый разрядъ по стрѣльбѣ, поплелась къ себѣ въ бараки и безъ шума, безъ пѣсенъ, безъ плясокъ, уныло и молча улеглась на отдыхъ.

Василій Видиновъ:

ПРИКАЗЪ ПО ВОЕННОМУ ВѢДОМСТВУ.

(18-го Марта 1908 года, № 126).

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему положеній Военнаго Совѣта: объ утвержденіи положенія о денщикахъ и о денежномъ вознагражденіи на наемъ прислуги профессорамъ и штатнымъ преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній, 4-го марта сего 1908 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

- 1) Замѣнить наименованіе „казенная прислуга“ наименованіемъ „денщикъ“.
- 2) Ввести въ дѣйствіе прилагаемое положеніе о денщикахъ съ приложеннымъ къ нему перечнемъ войсковыхъ частей, штабовъ, управленій, учреждений и заведеній, офицерскимъ чинамъ (генераламъ, штабъ- и оберъ-офицерамъ) которыхъ предоставляется право пользоваться денщиками въ натурѣ и денежнымъ отпускомъ на наемъ прислуги, взаимѣнъ положенія о денщикахъ, приложеннаго къ ст. 2129 кн. I ч. II св. воен. пост. 1859 года

806-18
240

ИЗДАВАЕМЫЙ
СЪ ВЫСОЧАЙШАГО СОИЗВОЛЕНІЯ
ЖУРНАЛЪ
ЧТЕНІЕ для СОЛДАТЪ.

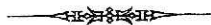
Выпускъ I.

Январь

1909 г.

62-й годъ изданія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1909.

АМУЛЕТЪ ¹⁾.

Въ большомъ барскомъ кабинетѣ. послѣ сытнаго обѣда, собралось небольшое общество. Состояло оно изъ хозяина дома, стараго, но еще бодрого генерала, трехъ его пріятелей и молодого красиваго полковника. Удобно помѣстившись съ сигарами въ мягкихъ креслахъ, они, отхлебывая понемногу кофе и ликеръ, продолжали начатый за обѣдомъ разговоръ о явленіяхъ хотя и не сверхъестественныхъ, но, тѣмъ не менѣе, трудно поддающихся объясненію. Каждый изъ нихъ вспоминалъ какой-нибудь подходящий случай или въ жизни своей или близкихъ ему людей, и рассказъ слѣдовалъ за рассказомъ.

Одинъ только молодой полковникъ не принималъ въ этомъ активнаго участія и ограничивался внимательнымъ слушаніемъ. Когда же запасъ рассказовъ сталъ истощаться, то всѣ обратились къ полковнику, прося его подѣлиться чѣмънибудь изъ своихъ воспоминаній, не допуская, чтобы въ

жизни его на разныхъ окраинахъ не случилось бы съ нимъ чего нибудь выдающагося изъ обыденныхъ рамокъ.

Послѣ долгихъ отнѣживаній полковникъ, наконецъ, сдался, предупредивъ, однако, что рассказъ его будетъ настолько казаться неправдоподобнымъ, что легко можетъ быть принятъ за вымыселъ, между тѣмъ какъ все отъ начала до конца истинная правда.

Во время Турецкой войны,—началь свой рассказъ полковникъ,—вскорѣ послѣ взятія Плевны, въ первыхъ числахъ декабря, я былъ командированъ съ порученіемъ къ генералу Х., стоявшему въ городкѣ С. Выѣхать я долженъ бы на другой день съ разсвѣтомъ, чтобы прибыть къ вечеру по назначенію. Въ виду же того, что время было еще раннее, погода хотя и морозная, но ясная и солнечная, я, не долго думая, взялъ двухъ казаковъ и отправился немедленно въ путь. Перемѣнными аллюрами скоро же мы добрались до городка Л., находившагося на полупути къ С., и послѣ небольшого отдыха пустились далѣе, рассчитывая, благодаря ясному небу, къ ночи быть на мѣстѣ.

Но отъѣхавъ верстъ десять или двѣнадцать, я, къ сожалѣнію, замѣтилъ, что расчеты мои были ошибочны. Легкій вѣтерокъ, дувшій при выѣздѣ намъ въ спину, перемѣнилъ направленіе, крѣпчалъ все болѣе и болѣе, переходя минутами въ бѣшеные порывы; небо стало быстро заволакиваться снѣжными тучами, пошелъ снѣгъ, закрутилась метель и черезъ нѣсколько времени мы оказались

¹⁾ Талисманъ.

какъ бы окутанными бѣлою непроглядною мглою. Вдобавокъ ко всему мы замѣтили векорѣ, что сбились съ пути.

Оріентироваться въ этой бѣлой мглѣ не представлялось никакой возможности, а потому, чтобы не потерять другъ друга, мы соединились чумбурями и, перекрестившись, двинулись далѣе, считывая единственно на чутье нашихъ добрыхъ коней.

Не буду разсказывать всего, что пришлось намъ вынести въ теченіе нѣсколькихъ часовъ плутанія по мѣстности, крайне пересѣченной оврагами, слѣдовательно, и опасной; какъ мы дрогли, не имѣя теплаго платья (которое, кстати сказать, мы получили въ концѣ марта, когда находились уже въ Санъ-Стефано), какъ проваливались въ ямы и канавы и т. п. Наконецъ, до нашего слуха донесся отдаленный лай собакъ.

Извѣстно, что турки собакъ не бьютъ, почитая это грѣховнымъ, а потому каждая деревня представляетъ изъ себя огромную псарню. Въ обыкновенное время безчисленные турецкія собаки являются сущимъ наказаніемъ для путника. Но мы, въ нашемъ бѣдственномъ положеніи, обрадовались этому, донесшемуся до насъ, лаю: онъ прямо указывалъ намъ на близость человѣческаго жилья.

И не только мы, сильно уже приунывшіе, но даже наши кони, еще ранѣе нашего уловившіе чуть слышный лай, приободрились и пошли веселѣй. Лай становился все яснѣе и громче и наконецъ мы совсѣмъ неожиданно уперлись въ какую

то стѣну, оказавшуюся воротами турецкаго дома. Измученные, продрогшіе, забывая всякія мѣры предосторожности, желая лишь поскорѣе укрыться отъ метели, мы съ нетерпѣніемъ стали стучать въ ворота.

Долго пришлось барабанить, пока не послышались шаги и тихій говоръ нѣсколькихъ головъ.

Послѣ короткихъ переговоровъ, которые я велъ при помощи немногихъ извѣстныхъ мнѣ турецкихъ словъ, ворота, наконецъ, отворились и мы увидѣли въ нихъ благообразнаго стараго турка съ фонаремъ въ рукахъ. Кланяясь намъ по турецки, т. е. приложивъ правую руку къ груди и затѣмъ ко лбу, онъ затѣмъ, широко распахнувъ половинку воротъ, пригласилъ насъ войти.

Двухъэтажный деревянный домъ, такъ кстати встрѣтившійся намъ, былъ типичнымъ домомъ жилищнаго сельскаго турка-хозяина. По срединѣ такихъ домовъ помѣщаются ворота и весь низъ служить жильемъ для рабочихъ, помѣщеніемъ для скота и тутъ же устроены кладовыя; верхній же этажъ предназначается для хозяина и семьи и при постройкѣ его онъ всегда выдвигается впередъ надъ нижнимъ.

По срединѣ верхняго этажа во всю ширину его находится большая комната, изъ которой направо и налево идутъ двери, ведущія въ жилые покои. Прямо въ передней стѣнѣ три окна, выходящія на улицу и снабженныя деревянными поднимающимися рѣшетками.

Верхній этажъ соединяется съ нижнимъ посредствомъ двуколѣнной деревянной лѣстницы, устроенной въ лѣвомъ заднемъ углу большой комнаты.

Вотъ хотя и не очень подробное, но совершенно вѣрное описаніе дома, въ который мы попали.

Впустивъ насъ въ ворота, старикъ сказалъ что-то сопровождавшимъ его молодымъ людямъ, указывая на казаковъ и лошадей, и повелъ меня наверхъ, гдѣ и указалъ на первую комнату на лѣво, а самъ, оставивъ мнѣ фонарь и упомянувъ что-то про „мангалу“, поспѣшно удалился. Мангала это жаровня съ горячими угольями, служащая для согрѣванія комнатъ.

Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что комната моя угловая; прямо протѣвъ дверей два окна и вдоль ихъ устроены нары, покрытыя ковромъ. Съ правой стороны отъ дверей досчатая глухая перегородка, отдѣляющая сосѣднюю комнату, съ лѣвой стороны—наружная задняя стѣна безъ оконъ.

Мебели, кромѣ маленькаго низкаго столика, не было никакой, но, несмотря на это, комната показалась мнѣ дворцомъ, въ особенности съ той минуты, какъ принесли „мангалу“, распространившую пріятную и столь желанную для меня, благодаря сильному ознобу, теплоту.

Сбросивъ оружіе и пальто и сдѣлавъ распоряженіе явившемуся казаку относительно коней и чая, я, въ ожиданіи послѣдняго, прилежъ на нары и, вѣроятно, вслѣдствіе сильной усталости,

а отчасти благодаря быстро увеличивавшемуся въ комнатѣ теплу, вскорѣ заснулъ.

Долго ли я спалъ, не знаю, но вдругъ меня разбудилъ легкій стукъ. Я открылъ глаза и увидѣлъ картину, поразившую меня до того, что не могъ ни шевельнуться, ни произнести ни слова, ни вздохнуть.

Я какъ бы замеръ, широко открывъ глаза.

Въ комнатѣ было темно. На темномъ фонѣ перегородки стояла женская фигура въ красивой бѣлой одеждѣ. Въ одной рукѣ она держала свѣтильникъ, а въ другой чашечку въ серебряной филиграновой подставкѣ. Лицо ея, фантастически освѣщавшееся снизу, было красоты поразительной: немного взволнованное съ легкимъ румянцемъ. Но главное—глаза: такихъ глазъ я въ жизни моей не встрѣчалъ никогда. Ясные, голубые, ласковые и участливые, они казались глубокими, благодаря отбѣнявшимъ ихъ чернымъ длиннымъ рѣсницамъ. Подъ такими же черными бровями они свѣтились такимъ страннымъ, притягательнымъ блескомъ, что противиться имъ,—я по крайней мѣрѣ,—не могъ. Волны распущенныхъ по плечамъ свѣтлыхъ волосъ, окружавшихъ эту чудную головку какъ бы золотымъ ореоломъ, дополняли ея прелесть.

Легко понять, что въ ту минуту она могла мнѣ показаться сказочной феей, явившейся спасать бѣднаго рыцаря отъ грозившей ему смертельной опасности.

Но такъ какъ время фей давно уже миновало, а ложаюсь я чувствовалъ сильный ознобъ, то я и

увѣрилъ себя, что это не болѣе какъ галлюцинація, но настолько пріятная, настолько чарующая, что, боясь разсѣять эту чудную игру воображенія, я старался не моргнуть даже глазомъ.

Простоявъ одно мгновеніе, она неслышно направила ко мнѣ, не спуская съ меня своихъ блестящихъ глазъ и какъ бы гипнотизируя меня. Подойдя, она протянула къ окну руку со свѣтильникомъ и, поставивъ его, тою же рукою осторожно приподняла мою голову, наклонилась и поднесла къ моимъ губамъ чашечку, наполненную кофе.

Когда же губы мои коснулись чашечки, когда я почувствовалъ вкусъ и ароматъ кофе, а голова ясно ощущала поддерживавшую руку, я невольно началъ сомнѣваться: галлюцинація становилась черезчуръ уже реальной и у меня явилось желаніе заговорить, провѣрить себя. Но она смотрѣла на меня съ такою трогательной нѣжностью, ея добрые, чистые глаза были въ тоже время такъ неотразимо властны, что я молчалъ и только глядѣлъ на нее. Я страшился одного, чтобы она не исчезла. Я обожалъ ее!

Когда кофе былъ выпить, она тихо, какъ бы скользнувъ по моему лбу губами, поцѣловала меня, осторожно опустила голову и, взявъ свой свѣтильникъ, неслышно стала отдаляться, не сводя съ меня глазъ и... скрылась въ темномъ фонѣ перегородки.

Видя ее удалявшейся, я хотѣлъ вскочить, бѣжать за ней, крикнуть ей; мнѣ казалось, что отъ меня уходитъ что-то близкое, дорогое, безъ чего

моя жизнь уже не имѣетъ никакого значенія. Но я не могъ шевельнуться, не могъ произнести ни слова и, какъ бы загипнотизированный ея глазами, продолжалъ съ отчаяніемъ смотрѣть въ пространство, гдѣ она скрылась. Мало по малу, незамѣтно для самого себя, я впалъ опять въ крѣпкій сонъ.

На утро меня разбудилъ казакъ и доложилъ, что метель улеглась и проводникъ имъ найденъ. При этомъ онъ добавилъ, что не разбудилъ меня вчера, когда онъ принесъ мнѣ чай, потому что „ужъ больно вы сладко спали ваше бл — діе“. Желая же напоить меня чаемъ, въ случаѣ если я проснусь самъ, а отчасти изъ предосторожности относительно хозяевъ, такъ какъ, по его словамъ: „все же они нехристи невірныя“, онъ, поужинавъ съ товарищемъ, легъ въ большой комнатѣ поперекъ моихъ дверей у порога, гдѣ и проспалъ до разсвѣта.

Я приказалъ ему подать мнѣ умыться и потягиваясь всталъ съ ковра. Вчерашнего озноба какъ не бывало. Я сталъ оглядывать комнату и, дойдя до перегородки, вдругъ вспомнилъ мое ночное видѣніе. Такъ какъ моя ночная фея явилась именно въ этой перегородкѣ, я бросился искать въ ней какой либо потайной двери, но, несмотря на всѣ мои усилія, не нашелъ ничего, могущаго дать мнѣ хотя какое нибудь объясненіе.

Это была обыкновенная стѣнка изъ стоймя поставленныхъ досокъ. Ни малѣйшаго признака, чтобы она гдѣ нибудь раздвигалась или чтобы какая нибудь изъ досокъ могла быть приподнята.

Но картина ночного видѣнія представлялась мнѣ настолько ясно и живо со всѣми мельчайшими подробностями, такъ хотѣлось мнѣ вѣрить, что это не былъ сонъ или бредъ, что я все-таки продолжалъ свой осмотръ и прекратилъ его только тогда, когда вошедшій съ водою казакъ уставился на меня съ широко раскрытыми отъ удивленія глазами.

Я смутился отъ этого взгляда, быстро сталъ умываться и собираться въ путь, убѣждаясь съ сожалѣнiемъ, что все мною видѣнное вызвано было вчерашнимъ ознобомъ.

Вскорѣ явился хозяинъ, оказавшійся весьма симпатичнымъ, красивымъ старикомъ съ длинною, бѣлою бородою и, прикладывая руку къ груди и головѣ, предложилъ мнѣ кофе и жареныхъ курицъ, что мною, конечно, и было принято съ удовольствiемъ.

Когда сборы были окончены, я хотѣлъ поблагодарить старика деньгами, но онъ наотрѣзъ отказался. На мои же настоятельныя просьбы принять плату, онъ вывелъ мнѣ троихъ маленькихъ дѣтей, которымъ и позволилъ взять отъ меня деньги, какъ бы въ подарокъ.

Распрошавшись съ нимъ, я спустился въ первый этажъ, гдѣ стояли уже совсѣмъ готовые кони и, сказавъ проводнику городъ, куда надо вести, сѣлъ на коня и направился въ ворота. Я ѣхалъ первымъ, за мною два казака, потомъ проводникъ и уже за нимъ слѣдовалъ, вышедшій проводить меня, старикъ-хозяинъ.

Подъ аркой воротъ я услышалъ надъ собою слабый скрипъ поднимающейся рѣшетки и невольно поднималъ голову. И вотъ тогда и произошло то, что представляется для меня загадкой.

То, что я увидалъ, промелькнуло, какъ молнiя, но и этого было достаточно, чтобы узнать мою ночную фею съ ея поразительными глазами и волнами золотистыхъ волосъ. Въ то же мгновенiе она быстро скрылась, протянувъ лишь изъ окна руку, въ которой что-то сверкнуло. Инстинктивно поднявъ свою руку, я успѣлъ на лету, не останавливая коня, поймать какой-то блестящiй предметъ.

Все это произошло такъ быстро, что даже выѣзжавшiе за мною казаки и тѣ, кажется, не замѣтили ничего. Ошеломленный, не вѣря своимъ глазамъ, я продолжалъ двигаться впередъ со страстнымъ желанiемъ остановиться или оглянуться. Но я боялся этимъ выдать ее и тѣмъ навлечь на нее грозу. Я продолжалъ, скрѣпя сердце и сохраняя спокойно-равнодушный видъ, удаляться отъ нея и ужъ не смѣлъ надѣяться разгадать когда-нибудь такъ сильно смутившую меня загадку. Брошенный мнѣ предметъ оказался бирюзовымъ амулетомъ въ видѣ сердца въ золотой оправѣ и съ арабской надписью, означавшей, какъ я потомъ узналъ: „когда я съ тобой, Аллахъ хранитъ тебя“.

Прошло шесть лѣтъ. Я перевелся на службу въ Среднюю Азiю и однажды мнѣ поручено было

произвести дознаніе по дѣлу о неповиновеніи узбековъ распоряженіямъ мѣстныхъ властей.

Племя это, хотя и находится подъ нашимъ владычествомъ, но состоя изъ ярыхъ фанатиковъ, живущихъ болѣе въ горахъ, относится еще ко всему русскому крайне враждебно.

Дѣло было очень запутанное, и долго пришлось мнѣ возиться, пока виновность одного изъ довольно вліятельныхъ узбековъ не стала достаточно выясняться. Узбекъ этотъ въ своемъ ярко-красномъ, опоясанномъ кривой саблей халатѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, на гордо поднятой головѣ, чалмою, невольно обращалъ на себя вниманіе. Довольно высокаго роста, онъ казался на видъ лѣтъ около тридцати. Совершенно матовое лицо красиво окаймлялось небольшою черною бородою; изъ подъ сросшихся бровей сверкали рѣшительные и смѣлые до дерзости каріе глаза, а немного орлиный, красивый носъ придавалъ всему лицу видъ чего то гордаго и непреклоннаго. Вліяніе, которымъ онъ пользовался, должно было быть дѣйствительно велико, такъ какъ онъ производилъ впечатлѣніе человека, умѣющаго подчинять себѣ толпу и заставлять ее слѣдовать за собою. При вопросахъ онъ держалъ себя крайне надменно и часто даже дерзко, отказываясь отвѣчать на многіе вопросы.

Когда виновность его стала уже почти очевидной, рѣшено было завтра же послѣ послѣдняго вопроса арестовать его. По неосторожности я сказалъ объ этомъ при переводчикѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ я ранѣе обыкновеннаго попрощался съ полковникомъ Z, у котораго остановился, и ушелъ въ свою комнату, гдѣ, раздѣвшись при помощи моего человѣка, легъ на постель, стоявшую почти у самаго окна.

Я люблю иногда передъ сномъ вспоминать старое, давно прошедшее, вызывать въ воображеніи ушедшіе уже въ даль, но все еще милые образы когда то близкихъ мнѣ людей и подобное настроеніе является у меня преимущественно въ лунныя ночи; туркестанскія же лунныя ночи какъ то особенно къ тому располагаютъ. Такого яркаго, блестящаго и обильнаго свѣта луны, какъ тамъ, мнѣ ранѣе не приходилось замѣчать нигдѣ. Всѣ зданія и предметы при этой лунѣ принимаютъ особая, причудливыя формы, отбрасываютъ тѣни настолько темныя, что вы не видите никакихъ полутоновъ. Сторона, обращенная къ лунѣ, такъ залита свѣтомъ, что ни малѣйшая черточка на ней не можетъ укрыться отъ вашего глаза, противоположная же погружается въ полный мракъ. Эта рѣзкая игра свѣта и тѣни наполняетъ картину какою то таинственностью и дѣлаетъ мѣстность неузнаваемой для видѣвшихъ ее при дневномъ освѣщеніи.

Такая же ночь стояла и тогда, и хотя луна оставалась невидимой изъ моей комнаты, но садъ какъ бы купался въ массѣ ея блестящаго свѣта. Я вскорѣ же отложилъ взятую мною книгу и, прикрывъ окно и загасивъ свѣчу, отдался воспо-

минаніямъ о моихъ далекихъ друзьяхъ, родныхъ, Петербургѣ...

Подъ эти мысли я уже сталъ слегка забываться, какъ вдругъ увидѣлъ вновь мою сказочную фею. Явилась она, какъ и въ первый разъ, но лишь правая рука ея была протянута ко мнѣ, а глаза были полны тревожнаго безпокойства и нѣмого упрека.

Быстро подойдя ко мнѣ, она нервно стала искать на моей груди мой амулетъ. Но она не нашла его и такой страшный испугъ выразился въ ея наполнившихся слезами глазахъ, что я вскопчилъ и... проснулся, не видя ничего въ окружающей меня темнотѣ. Явилась она вновь мнѣ такъ живо и ясно, что прошло нѣсколько мгновеній, пока я пришелъ въ себя. Я хватился самъ амулета и только тутъ вспомнилъ, что въ то утро во время моего одѣванія онъ сорвался съ цѣпочки. Въ торопяхъ я спряталъ его въ задній карманъ кителя, гдѣ онъ и остался. Вспомнивъ это, я почувствовалъ, что долженъ немедленно же пойти, взять китель и вынуть амулетъ. Чувство это было такъ непреодолимо, что я мгновенно же бросился въ комнату человѣка. Схватить китель и вынуть амулетъ было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, но лишь я почувствовалъ его въ рукахъ, какъ раздался два, одинъ за другимъ, выстрѣла и я услышалъ звонъ разбитаго въ моей комнатѣ стекла.

Люди еще не спавшіе и вскочившіі полковникъ Z, бросились въ садъ, а я, схвативъ свѣчу, бѣжалъ въ свою комнату и увидѣлъ разбитый на

ночномъ столикѣ у кровати графинъ и прострѣленную двумя пулями мою подушку.

Въ саду задержали стрѣлявшаго, который и оказался обвиняемымъ узбекомъ.

Вотъ случай, бывшій со мною. Вотъ исторія моего амулета. Разумѣется, „благоразумнымъ“ людямъ она покажется, какъ я и предупредилъ, совсемъ неправдоподобной, но мнѣ она дорога и составляетъ одно изъ лучшихъ воспоминаній моей жизни.

М. III.

